

Матица – слово, образ, символ

© Н.А. КРИНИЧНАЯ,
доктор филологических наук

В статье на основе лингвистических (диалектных и древнерусских) материалов с привлечением произведений фольклора выявляется семантика слова, образа, символа, заключенная в понятии «матица». Обозначенная этой номинацией структурно-планировочная часть традиционного крестьянского жилища выступает в роли матери – некоего начала и основы бытия сородичей, живущих под единой кровлей. Матица, совместно с потолком, представлена как небеса крестьянского микрокосма.

Ключевые слова: матица, мифологические и фольклорные представления, верхний ярус жилища, диалекты, древнерусская лексика.

Матица – одна из важнейших структурно-планировочных частей традиционного крестьянского жилища. Это основная балка, обычно тянущаяся поперек всей избы. Она служит опорой для потолка в целом и для каждой из потолочин в частности. Впрочем, в севернорусских говорах *матицей* называли и балку, поддерживающую пол: на нее настилались половицы. Данный факт свидетельствует о тождестве осмысления потолка и пола в народных воззрениях. В жилых помещениях матица потолка отделялась в виде четырехгранного строганого бруса. Матица же в нежилых строениях или под полом представляла собой круглое бревно, стесанное на месте прилегания к нему досок [1]. Кроме того, *матицей* в диалектах, как и в древнерусском языке, называются и другие разновидности осевой, опорной или скрепляющей части чего-либо: киль судна, нижний продольный брус, на котором укреплен его остов; бревно, скрепляющее плот, связку бревен; центральная часть невода в виде мешка, в которой собирается пойманная рыба. Употребление слова *матица* в приведенных значениях фиксируется письменными источниками не ранее XVII века. В значении же «маточное растение» эта лексема встречается с XVI века; в значении «центральная часть войска» – с XV века [2. С. 307; 3. С. 202; 4. С. 44–45]. В севернорусских диалектах *матицей* называется также «самка у животных, матка» [3. С. 202].

По общему мнению лингвистов, номинация *матица* происходит от *мать* [5]. Причем в древнерусском языке, в памятниках XIV века, мать

и матица именуется одним и тем же словом *матица*: не случайно в словаре Памвы Берынды *матиця*, как и *породеля*, *пороженица*, служит для определения слова *роже(а)ница*. А в поверьях матица отождествляется с матерью: видеть во сне *матицу*, отделившуюся от досок потолка, означает, что *мать* семейства умрет [6].

В результате подобная этимология вовлекает рассматриваемую лексему в семантическое поле, ядром которого служит *мать* (*мати*, *матерь*). Слово *мать* имеет древнее происхождение: оно, например, обнаруживается в Остромировом евангелии (1057 года), в Новгородской I летописи (1128 года). Показательно, что при употреблении в древнерусских памятниках лексем *мать*, *матица* в переносном смысле они означают «начало, основа, источник чего-либо; причина» [4. С. 44, 47].

В диалектах, как и в древнерусском языке, и *мать*, и *матица* нередко называются «маткой» [2. С. 307; 3. С. 203; 4. С. 45]. Лексема же *матка* наделяется дополнительными значениями: «женщина, самка, внутренний женский половой орган, пчелиная матка, предводительница в игре, центральная часть войска». Однако при употреблении в переносном смысле лексема *матка* в основном идентична уже упомянутым лексемам *мать* и *матица*. Тем не менее семантический спектр слова *матка*, и особенно в народных говорах, более многообразен: это «источник чего-либо, место рождения, происхождения, корень; середка, середина, средоточие, остов, центр» [2. С. 307]. Связанные с этими понятиями архетипы пульсируют и в мифологических представлениях о матице потолка (пола), где она, будучи одной из важнейших структурно-планировочных частей жилища, выступает в роли персонажа, наделяемого полномочиями соответственно своим языковым характеристикам. Назначение матицы – быть основой и началом, средоточием и центром крестьянского микрокосма.

Вместе с тем матица служит как бы осью верхнего, *черепного* венца сруба, поскольку она врубается в *череповые деревья* [7. С. 385]. В очередной системе знаков-символов ей принадлежит роль основания *черепна* жилища. Соответственно бревно сруба, выдолбленное под матицу, либо прямоугольная выемка в матице для потолочин в севернорусских говорах называется *черепина*, а паз, в который вставляются доски потолка, – *черепом*. Сплошной же ряд этих досок, настланный поверх нижнего потолка, который кладется «в разбежку», получил наименование *начерпной* ряд [8. С. 44–45]. Причем *череп* избы в народных представлениях таинственным образом сопоставлен с головами ее обитателей. Не случайно, по восточнославянским поверьям, плотнику нельзя было ударять обухом топора по матице, иначе у жильцов этого дома будет постоянно болеть голова [9]. В системе древних верований «верх человеческого тела (здесь: верх жилища. – Н.К.) соотносится с абсолютным верхом – небом» [10].

Символика, связанная с матицей, некогда включалась не только в анатомический, но и в космологический код крестьянского жилища. Об этом, в частности, свидетельствует наносимая на нее плоская геометрическая резьба, древнейшая по своему происхождению: это комбинация неглубоких вырезов, зарубок, надрезов. Не зафиксированная, насколько нам известно, в севернорусских деревнях, она тем не менее некогда имела распространение в изобразительном творчестве всех восточных славян: «Общеславянским, а следовательно, и весьма древним, является устойчивый обычай вырезать на матице “колесо Юпитера”, круг с шестигранником и шестилучевой розеткой внутри него. Часто и здесь мы видим три позиции светила» [11]. Иногда знак солнца заменялся православным крестом. Судя по украинским материалам, среди розеток и зубцов на матице могло фигурировать и распятие как знак включения в языческую космогонию символов христианства, что имело место и в характерной для севернорусской традиции росписи храмовых (не только хоромных) «небес». Согласно диалектам, присущим все той же традиции, матица воплощает в себе идею верха, и потому, в отличие от других балок, она называлась *верхней* балкой. Причем с ней, как и с потолком, связаны представления о членении вертикальной модели крестьянского микрокосма, где потолку-чердаку-крыше отводилась роль домашних небес. В соответствии с подобными воззрениями, часть потолка между стеной и матицей или между двумя матицами получила наименование *ярус* [8. С. 44–45].

Матица в народных верованиях и обрядах представлена как основа миропорядка, как средоточие «правильного» течения бытия. С матицей магически связаны основные вехи жизненного цикла обитателей возводимой постройки. Так, чтобы узнать о результатах предстоящей в этом доме череде деторождений, заранее исполняют определенные строительно-мантические обряды. Для этого перед подъемом матицы к ней привязывают каравай хлеба, завернутый в вывороченный наизнанку полушубок. После подъема матицы двое участников обряда одновременно разрубают веревки, на которых держится «каравай в полушубке» (ср. с поморским обрядом спуска нового корабля на воду – «вдейкой» [12]). Затем смотрят: если хлеб упал верхней коркой кверху, в доме будут рождаться мальчики, если же вверх нижней коркой – девочки [7. С. 132], что соответствует бинарным оппозициям *верхний – нижний, мужской – женский*. Кстати, через *оцен* (*очен*) – длинный гибкий шест, который пропускался через кольцо, укрепленное в матице, подвешивалась зыбка. Тем самым качание в ней младенца служит знаком-символом соотносительности с матицей-матерью каждого, кто появлялся на свет в этом доме. Рассматриваемый строительно-мантический обряд мог послужить предзнаменованием и относительно других этапов в жизненном цикле человека. Так, если хлеб катился к дверям, это предвещало смерть хозяина

дома. Аналогичное предвестие, согласно поверью, зафиксированному в Томской губернии, может исходить от матицы и в сновидениях: как уже говорилось, видеть в них матицу, отделившуюся от досок потолка, означает, что мать семейства умрет.

Магические свойства матицы, по мифологическим представлениям, заметно актуализируются и в другие моменты жизненного цикла, например, в свадебном ритуале и, в частности, в обряде сватовства: «Придут сватать, дак садятся *под матицу* {...}. Ну, там отец невесты пригласит: “Ну, проходите, проходите, садитесь”. Уж садятся, кто-нибудь, а под эту, *под матицу*» [13. 144. № 2. Курсив здесь и далее наш. – Н.К.]. И поэтому *сидеть под матицей* в соответствии с обрядовой символикой означает «сватать в доме невесту» [2. С. 307]. Более того, в некоторых местностях, например на Псковщине, была распространена примета: если новобрачная при входе в дом свекра посмотрит прежде всего на матицу, то ее будет любить вся мужнина родня [7. С. 79]. Иначе говоря, матица предопределяет положение новобрачной в данной семейно-родовой общине.

Посредством обрядов, связанных с этой структурно-планировочной частью жилища, осмысляемой как некое начало, основа и источник всего сущего, заблаговременно обеспечивается и обилие в доме. Когда черепной (последний) венец положен и матица поднята, *севец* обходит этот венец, рассеивая с благопожеланиями хлебное зерно и хмель [2. С. 307]. При настилке же потолка в новом жилище к матице привязывают каравай хлеба с солью, чтобы «жилося сытее» [14]. Соответственно посредством строительно-мантических обрядов, используя в качестве атрибутов гадания каравай хлеба или горшок с кашей и даже бутылку водки, крестьяне пытались заранее предугадать, будет ли жизнь в новом доме благополучной и всеми мерами стимулировали это благополучие.

Матица осмысляется и как стабилизирующее, связующее начало. И потому каждый, кто отправляется из дому в дальний путь, непременно подержится за матицу. Тогда, согласно народным верованиям, он без злоключений вернется домой, удачно завершив свое предприятие [2. С. 308]. Магическая притягательная и связующая сила матицы сказывается и на домашнем скоте. Чтобы привадить ко двору *новокутку*, у нее выстригают пучок шерсти, осмысляемый как средоточие ее жизненной силы, или души, и подтыкают этот пучок под матицу. Обеспечивая целостность и единство домашнего скота, «знающие» люди предлагают хозяевам и иной магический способ воздействия на приведенную к новому двору животину. И этот способ также связан с матицей: «На, Ивановна, этих три прутика, кледи *под матицу* – больше не уйдет (корова)» [13. 140. № 101].

Подобно матери, матица, по народным верованиям, защищает своих подопечных от всяческих вредоносных сил: «А потом идут целое сонмище чертей, голые, шерстнатые, с рогами, с хвостами, с копытами.

А я думаю: “Дальше *матицы* вам не пройти”. Они лезут по стенке, как тараканы, и не могут. И ушли. (...) десятка три-четыре было, лезли к *матице*» [15]. Иногда матица служит препятствием и для ходячих покойников.

В качестве некой могущественной силы матица в мифологической традиции персонифицируется. В загадке она представлена как Марья-царевна, которая «сама в избе, рукава на дворе» [16]. И все же глубинную семантику, скорее, заключает в себе другой вариант этой загадки, где вместо Марьи-царевны фигурирует *мать*, соотношенная в качестве отгадки с матицей: «Мать в избе, рукава на дворе». (Заметим, однако, что выступы концов матицы за пределы сруба на позднем этапе в развитии традиционного крестьянского жилища редко имели место.) Эквивалентом матери в загадках о матице отчасти служит свекровь, на которой держится дом: «Лютая свекровь семью стережет, / Свекровь рассердится – семья разбежится».

Персонифицированная матица осмысливается как мать/матка не только для живущих в избе людей, но и для животных, обитающих с ними в севернорусском доме-дворе под единой кровлей: «Сорок поросят одну матку сосут». Если в этой загадке матица отождествляется со свиньей, то в другой – с лошадей, чей образ нередко выступает в качестве зооморфного символа жилища: «Сорок цыган на одной лошади сидят» [17].

Реминисценции представлений о матице/потолочной балке как о зооморфном существе сохранились и в лексике крестьянского деревянного зодчества. Так, матица или поперечное бревно, поддерживающее потолок, имеет название *куричина*; потолочная балка – *кобылина*; толстый брус, поддерживающий потолок, – *баран*, а углубление в стене, предназначенное для матицы и сужающееся к внутреннему краю, – *щучий хвост* [8. С. 43–45]. Согласно быличкам и бывальщинам, от этой балки исходят шум, треск, грохот. Подобные акустические проявления воспринимаются людьми как знак присутствия некой мифической силы, локализованной в матице и предопределяющей их судьбу. Эта мифическая сила в первую очередь – дух или душа дерева, из которого изготовлена матица. Древесный дух переходит жить в новопостроенный дом вместе с бревном [18]. В то же время, как нам неоднократно доводилось писать [19], дает о себе знать и дух принесенной строительной жертвы, вселившийся в каждую структурно-планировочную часть возведенного жилища.

Таким образом, все те качества, которые приписываются матице непосредственно в языке, дублируются в поверьях и приметах, в обычаях и обрядах, в произведениях изобразительного искусства, дополняя мифологические представления о потолке крестьянских хором, приравненном к небесам домашнего микрокосма либо к основанию черепа зоо- либо антропоморфного существа [20].

Литература

1. *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. С. 218.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. II.
3. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1996. Вып. 3.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. II. С. 581.
6. *Потанин Гр.* Юго-западная часть Томской губернии // Этнографический сборник, издаваемый Имп. Русским географическим обществом. СПб., 1864. Вып. VI. С. 138.
7. *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956.
8. *Сыщиков А.Д.* Лексика крестьянского деревянного строительства: Материалы к словарю. СПб., 2006.
9. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 316.
10. *Брагинская Н.В.* Небо // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 208.
11. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 497.
12. *Пулькин В.* Паруса на заре // Катера и яхты. 2007. № 3. С. 141.
13. Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук. Первая цифра обозначает номер коллекции, вторая – порядковый номер текста.
14. *Шустиков А.* Троищина Кадниковского уезда: Бытовой очерк (продолжение) // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 123.
15. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996. С. 71–72.
16. *Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 596.
17. Загадки / Изд. подгот. В.В. Митрофанова. Л., 1968. С. 97.
18. *Зеленин Д.К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л., 1937. С. 38, 40.
19. *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 53–62.
20. *Криничная Н.А.* Дом: его облик и душа (к вопросу о тождестве символов в мифологической прозе и народном изобразительном искусстве). Петрозаводск, 1992.